

Светлана Алешина

Королева черного золота

*Часть сборника
Самый красивый кошмар
(сборник)*

TV журналистка

Светлана Алешина

Королева черного золота

«Научная книга»

2003

Алешина С.

Королева черного золота / С. Алешина — «Научная книга»,
2003 — (TV журналистка)

«...Вдруг позади меня в аппаратной раздался истошный женский вопль. Краем глаза я успела заметить, как огромный реактор медленно приподнимается над полом, и снизу его, точно ракету, окутывают клубы пара. И в этих клубах тонут стоящие посреди цеха Щеглов и Сергей Викторович. Волна грохота нарастает, огромный стальной реактор раскалывается надвое, обнажая светящееся огнем свое нутро. В этот момент чьи-то руки оторвали меня от бокового смотрового окна и бросили на холодный, грязный стальной пол. Кто-то, скорее всего аппаратчица, упала на меня сверху и закрыла меня всю своим огромным бесформенным, как балахон, комбинезоном. И в этот момент гроыхнуло страшно, оглушительно...»

© Алешина С., 2003

© Научная книга, 2003

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Светлана Алешина

Королева черного золота

Глава 1

На меня вдруг дохнуло странной сыростью, померещился теплый туманный день, без единого дуновения ветерка. Призрачные очертания деревьев парка, скрывающегося в белом молочном сумраке, лениво морозящий осенний дождь. Все это было, по меньшей мере, странно: на дворе и правда была осень, но день сегодня выдался ослепительно яркий, солнечный, бодрящий свежестью, высоченная полосатая труба крекинг-завода, по территории которого мы шли, упиралась в изумительной красоты безоблачное голубое небо. Тут на меня снова пахнуло, и я вдруг сообразила, что пахнет вовсе не туманной сыростью, а попросту бензином. Мне вспомнилось, как саркастически все это объяснял мой муж Володька. Дело в том, что крекинг-завод в нашем городе расположен на южной окраине, и как только дует юго-западный ветер, приносящий осенью и весной теплую и сырую погоду, смог от нефтепродуктов накрывает его до самых северных окраин. Вот почему в теплую и сырую погоду у нас всюду пахнет бензоколонкой, и в сознании каждого жителя туман прочно всю жизнь ассоциируется с запахом бензина.

– Так, давайте-ка сначала, – сказал с усмешкой, оглядываясь на меня, мой спутник. – А то мы по телефону разговаривали, и я толком ничего не понял.

Этот человек встретил меня на проходной, провел на крекинг-завод и теперь, похоже, вел по нему с экскурсией. Он мне представился Денисом Федоровичем Щегловым, заместителем главного инженера завода по эксплуатационной части – если бы я еще понимала, что означает все это наукообразное нагромождение слов! На вид ему было лет тридцать семь или сорок. Небольшого роста, коренастый, весьма мускулистый и хорошо сложенный, лицо загорелое, гладко выбритое, а вокруг губ какие-то странные неприятные морщины. Когда он говорил, я не могла оторвать глаз от этих складок вокруг губ, меня они просто шокировали, впрочем, я прекрасно знала почему. Был среди моих знакомых один человек с точно такими же неприятными складками вокруг губ, потом этот человек оказался отъявленным мерзавцем. Из чего, однако, не следовало, что мерзавцем окажется и мой собеседник, поэтому я изо всех сил гнала прочь от себя это неприятное впечатление.

– В принципе, если вы с телевидения, – продолжал он, оглядывая меня, – я думаю, вы с телекамерами приедете, снимать нашу работу будете...

– Снимать передачу мы будем в студии, – терпеливо пояснила я. – Сейчас я только подбираю кандидатуру для участия в передаче, потом мы ее утверждаем и выпускаем в прямой эфир.

– И когда же передача?

– В пятницу...

– А сегодня понедельник, – сказал Щеглов. – Ну что ж, время у вас еще есть.

Мы шли по разбитой асфальтовой дороге мимо каких-то непонятных сооружений, похожих на огромные отстойники, в которых что-то бурлило, кипело, разбрасывая грязные брызги. Какая-то грязно-водянистая бурда источала запахи бензина, и над всем этим клубился, мгновенно рассеиваясь, пар, казавшийся воплощенным нефтяным зловонием. Я невольно морщила нос при виде всего этого.

– Да, специфических запахов у нас хватает, – сказал мой спутник, искоса смотревший на меня со стороны.

– Боже мой, что это? – проговорила я, кивая на одну из ванн, клубящихся паром и зловонием около нас.

– Нефтяные отстойники, – пояснил с невозмутимым видом Щеглов. – Перед каждым технологическим процессом реакторы промываются горячим паром. Водно-углеводородная эмульсия поступает сюда, в эти отстойники, где нефть частично осаждается, а частично... – Он, выразительно усмехнувшись, умолк. И до меня дошло.

– А частично смывается в Волгу? – переспросила я его.

– Именно! – подтвердил мой собеседник. – Экологический ущерб, впрочем, невелик. На берегу есть другой отстойник, там вода становится еще чище. Основная же грязь и, соответственно, самая большая вонь остаются здесь...

– И как же вы тут работаете? – спросила я, невольно содрогаясь от ужаса при мысли, что кто-то ходит сюда каждый день и проводит здесь по восемь часов рабочего времени.

– Вот так и работаем, – отозвался Щеглов. – На пенсию, как положено, в 60 и в 55 лет, никаких льгот за вредность.

– И женщины тоже?

– Именно, – подтвердил мой спутник. – Между прочим, женщин-то у нас около двух третей от всего персонала, в том числе главный инженер, Валерия Дмитриевна Рогачева, мой непосредственный начальник. Так что вы правильно сделали, что к нам приехали передачу о нелегкой женской доле снимать.

– Вообще-то наша программа называется «Женское счастье», – робко заметила я.

– Да? – Он от души расхохотался, покачав головой. – Ну, тогда вы ее переименуйте в «Женское несчастье», во всяком случае, несчастья вы здесь найдете больше. Вон, смотрите!

И он показал на дальний конец благоухающего бензином отстойника. На хрупких деревянных мостках я заметила двух женщин, одетых в какие-то темно-зеленого цвета балахоны, с оранжевыми касками на головах. Вдвоем они, напрягаясь изо всех сил, крутили рукоятки какого-то огромного вентиля, поддававшегося медленно и с трудом. Вдруг струя белого пара поднялась откуда-то снизу, окутала обеих работниц на манер заградительной дымовой завесы, сквозь которую я едва различала, как они, пытаясь уберечься от горячего пара в складках своего балахона, продолжают возиться около злосчастного вентиля, крутить его тугие рычаги.

– Вон, видели? – сказал, саркастически хмыкнув, мой спутник. – Мужиков на такую работу надо, тут мужская сила нужна. Да разве мужиков заставишь? – Он безнадежно махнул рукой. – Низкоквалифицированная работа, оплата мизерная... Кто на такое согласится? Только женщины!

– А можно я с ними побеседую?

Мой спутник резко обернулся и пристально посмотрел на меня.

– Успеете, еще побеседуете, – сказал он несколько отчужденно. – Здесь таких, знаете, целый завод. Сначала зайдем к главному инженеру.

В это время мимо нас прогрохотал, обдав бензиновой вонью и пылью, бензовоз. Отважно подсакивая на ухабах, он свернул куда-то за угол и скрылся из виду.

– Так! – хихикнув, сказал Щеглов. – Уже середь бела дня авиационный керосин воруют!

Я с изумлением оглянулась на него:

– А почему вы так решили? Может, это вовсе не керосин...

– А запах? Вы не чувствовали запах?

– Запах как запах, – я пожала плечами. – Бензиновый, как и все они...

– Ну, нет! – Он расхохотался. – Запах керосина совершенно особенный. Лично мне этот запах до сих пор мой старый сарай напоминает. У нас там керосиновая лампа была, мы с ее помощью в погреб лазили. У вас никогда не было старого сарая с керосиновой лампой?

Я отрицательно покачала головой.

– Вон, глядите! – Он показал мне на тот самый бензовоз, остановившийся неподалеку за углом. – Еще тепленьким берут!

Люк у цистерны бензовоза был теперь открыт, и в него свисал толстый пожарный шланг, по которому, наверное, уже лилось внутрь топливо. Шланг был прикреплен к какой-то толстенной трубе, уходившей одним концом внутрь большого производственного корпуса, другой конец этой трубы скрывался где-то вдаль, в лабиринте таких же толстых труб. На нас, внезапно появившихся из-за угла, водитель бензовоза не обращал ни малейшего внимания.

– А почему вы решили, что керосин именно воруют? – недоумевающе спросила я Щеглова. – Вид у рабочего, знаете ли, очень в себе уверенный и спокойный.

– Значит, просто очень в себе уверенный вор, – заметил Щеглов. – Понимаете, для аэродромов мы отправляем керосин по железной дороге или в больших пятнадцатитонных автоцистернах-полуприцепах. Видели, наверное, на аэродромах такие цистерны-полуприцепы к пассажирским самолетам всегда подгоняют для заправки?

Я подтвердила, что, конечно, видела.

– Ну, вот, – продолжал Щеглов. – А иначе просто нерентабельно, самолеты керосина столько жрут. А у этого трехтонная цистерна! Этим керосином, что он теперь налил, разве что «кукурузник» заправить можно, да и то только на два часа полета. Для чего ему тогда, спрашивается, этот керосин?

Я неопределенно пожала плечами. Вся эта производственная история была мне совершенно неинтересна, а от обилия изрыгающих пар и разного рода химические запахи технических монстров вокруг меня начинала болеть голова. Для подростков, наверное, все это устройство крекинг-завода было бы безумно интересным, но мне, Ирине Лебедевой, двадцати семи лет от роду, замужней, тележурналистке областного ГТРК, – какое мне до всего этого было дело?

– Здорово, Денис! – вдруг раздался позади нас мужской голос. – Кого это ты по заводу водишь?

Обернувшись, я увидела молодого, крепкого на вид мужчину, немногим старше тридцати лет, высокого роста и с приятными, правильными чертами лица, понравившимися мне много больше, чем физиономия моего спутника. На пальце левой руки у подошедшего к нам тускло и заворачивающе блеснул большой мужской золотой перстень с печаткой.

– Слышишь, все нормально, Ген, – поспешил заявить Щеглов. – Это Ирина Лебедева, журналистка с областного телевидения. Начальство выписало ей пропуск, все как положено. А это начальник охраны завода, – пояснил Щеглов, поворачиваясь ко мне.

Я понимающе кивнула, посмотрела на красивого мужчину с любопытством.

– Значит, вы Ирина Лебедева, – повторил тот задумчиво. – Знаю я ваше имя, смотрел и вашу программу, хотя и не так часто, как моя жена. Ей уж очень ваша программа нравится.

Я поблагодарила его за добрые слова.

– А вы что, передачу про наш завод хотите делать? – снова спросил меня начальник охраны. – Хорошее дело, тут есть чего людям показать. Кстати, Денис, – повернулся он к Щеглову, – там Валерия Дмитриевна тебя спрашивала.

– Да? Так я сам ее ищу! – отозвался мой провожатый. – Где она? Мне сказали, что в конторе ее нет!

– Она в пятый цех пошла, – ответил начальник охраны крекинг-завода. – Вон! – Он кивнул в сторону высоченной серой бетонной стены, откуда выходила труба, по которой тек керосин. Водитель грузовика успел уже наполнить свою цистерну, закрыть ее крышку и теперь спускался на землю, готовясь сесть за руль бензовоза и уехать прочь. – Здесь она, с Сергеем Викторовичем какие-то дела у нее...

– А, ну вот и отлично, – сказал Щеглов. – Мы как раз сюда и пришли. Пойдемте, Ирина Анатольевна, в пятый цех.

И он жестом предложил мне следовать за собой. Начальник охраны с усмешкой посмотрел нам вслед.

Мы вошли внутрь огромного цеха и буквально нос к носу столкнулись с другой парой. Это была женщина лет сорока пяти, одетая вовсе не в защитный комбинезон, а в нормальный бизнес-костюм, из чего я заключила, что это наверняка и есть главный инженер крекинг-завода Валерия Дмитриевна, о которой шла речь в разговоре мужчин. Рядом с ней стоял высокий полноватый мужчина преклонного возраста, о чем можно было догадаться, глядя на его седые волосы, лицо же он имел гладкое и весьма моложавое, и определить по нему возраст я бы не рискнула. На меня они оба уставились подозрительно, но на стоявшего рядом со мной Щеглова даже не посмотрели.

– Ты что это, Сергей Викторович? – начал мой спутник, ехидно посмеиваясь и пристально глядя на седого мужчину. – Опять керосин налево продаешь? Хотя бы делился с людьми, что ли, доходами от своего левого бизнеса...

– Ты, Щеглов, соображаешь, что говоришь? – Названный Сергеем Викторовичем смотрел на моего спутника откровенно неприязненно. – Вообще, как я погляжу, ты чокнулся из-за своих баб! Последних мозгов лишился...

Мой спутник продолжал посмеиваться, впрочем, уже не так уверенно.

– Щеглов, а что вы за человека с собой по заводу водите? – строго спросила женщина в бизнес-костюме. – Своих знакомых вам совершенно необязательно сюда приводить, устраивать им здесь экскурсии.

Щеглов нахально улыбнулся, смерил небольшого роста, изящную женщину взглядом обольстителя.

– Видели? – сказал он мне, ничуть не смутившись. – Наша Валерия Дмитриевна во всей своей строгости!

Я кивнула: значит, это и правда была главный инженер завода.

– Валерия Дмитриевна, – снова заговорил Щеглов, – вот, позвольте вам представить: тележурналистка Ирина Лебедева, ведущая программы «Женское счастье». Помните, мы с вами говорили насчет участия в телепрограмме?

– Ах, ну, разумеется, помню! – воскликнула Рогачева, немного смутившись и с улыбкой беря меня за руку. – Как хорошо, что вы приехали. Пойдемте, мы покажем вам завод!

Сергей Викторович немилосердно оттер Щеглова прочь, тот только ехидно поморщился, и дальше по крекинг-заводу меня повела главный инженер.

Мы вошли в производственное помещение цеха. Это был огромный ангар с забетонированным вровень с землей полом. Посреди этого сооружения на равном удалении друг от друга высились три стальные громадины, в основании которых виднелся бетонный пьедестал. Какие-то бесчисленные трубы разного размера и цвета тянулись к каждому из этих сооружений, они глухо и очень солидно гудели, что-то там у них внутри клокотало, бурлило и бушевало, шла невидимая химическая реакция. Позади каждой стальной установки, отделенная от нее широким бетонным экраном, также на небольшом бетонном возвышении находилась аппаратная, что-то вроде стальной будки с толстыми стенами и двумя узкими, как бойницы, окнами, выходившими на две стороны. Когда мы вошли, только в одной аппаратной горел свет, и там виднелась фигура работницы в широком, как принято тут, брезентовом балахоне, видимо, являющемся предписанной правилами техники безопасности спецодеждой. Глядя на аппаратную снизу вверх, мы видели, как аппаратчица, на мгновение выглянув в окно, чтобы посмотреть на нас, тут же снова сосредоточилась на своей работе, внимательно следя за какими-то приборами, расположенными на невидимом отсюда пульте.

– Вот это наш цех № 5 вакуумного гидроформинга нефти, – заговорила Рогачева тоном экскурсовода, ведущего группу школьников по музею краеведения. – Кстати, познакомьтесь, его начальник Сергей Викторович Венглер. – Пожилой мужчина рядом с нами довольно цере-

монно поклонился. – В этих трех реакторах, что вы видите, происходит разделение природной углеводородной смеси, которую, как вы знаете, обычно и называют нефтью, на легкие и тяжелые. Тяжелые углеводороды, это смесь низкооктановых бензинов, дизельного топлива, мазута, вплоть до битума, остаются в нижней части реактора и впоследствии удаляются, перекачиваются для дальнейшего разделения и переработки. Легкие углеводороды испаряются, затем конденсируются в специальном конденсаторе, таким образом, получается высококачественный авиационный керосин, на котором летают и пассажирские самолеты, и вертолеты, и военные истребители...

Наверное, было в выражении моего лица что-то такое, из-за чего мой гид вдруг запнулась.

– Слушайте, вам это все, наверное, неинтересно, – сказала она. – Вы ведь, наверное, в первую очередь интересуетесь людьми?

– Мне нужно выбрать кандидатуру для программы, которая должна выйти в эфир в ближайшую пятницу, – сказала я со вздохом.

– Ну, так считайте, что уже нашли! – оптимистично заявил Сергей Викторович за моей спиной. – Лучшего, более знающего, более добросовестного работника, чем Валерия Дмитриевна, вы здесь все равно не найдете!

– Сергей Викторович отлично знает, что грубая лесть – самая действенная, – сказала с доброй усмешкой главный инженер завода. – Однако мне кажется, что лучше пригласить на вашу передачу кого-нибудь из рядовых работниц завода. Одну из этих вот аппаратчиц, например...

Она не договорила, потому что вдруг зазвонил ее мобильный телефон. Валерия Дмитриевна сказала в трубку «да», потом через некоторое время «хорошо» и сунула телефон обратно в карман.

– Вы меня простите, – заговорила она торопливо, – но мне сейчас срочно нужно в заводоуправление, там новая партия нефти прибыла... Сергей Викторович вам и без меня прекрасно все покажет!

И она поспешила прочь из цеха. Сергей Викторович некоторое время смущенно таращил на меня глаза, затем открыл было рот, но прежде, чем он успел сказать хоть слово, как из-под земли появился Щеглов.

– Ты, Сергей Викторович, иди отдохни, – сказал он нахально. – Я сам корреспонденткой займусь...

Тот в изумлении взглянул на него, но ничего не сказал, и Щеглов занял его место.

– Вот, – продолжал он, ухмыляясь, – как уже объяснила вам наш главный инженер, в этом цеху производят авиационный керосин, часть которого вон тот тип, – он кивнул на топтавшегося сзади Сергея Викторовича, – нагло разворовывает...

– Да, ты, хорош трепаться! – проворчал сердито Сергей Викторович. – Ничего я не разворовываю, ты понял?

Но Щеглов сделал вид, что не слышал его.

– Пойдемте, – продолжал он, – я познакомлю вас с персоналом цеха.

Мы направились к одной из пылевых паром и керосиновыми запахами громадин, поднялись по узкой и грязной, напоминавшей корабельную лестнице, зашли в единственную аппаратную, где горел свет, через похожее на бойницу смотровое окно виднелся весь реактор и даже кое-что из остального пространства цеха.

– А что, работает только один из трех реакторов? – поинтересовалась я у Щеглова.

– Нефти для переработки мало, – отозвался он, – поэтому два реактора пока простаивают. Слышали, Валерия Дмитриевна убежала, потому что новая партия нефти прибыла? Я заказывал восемь цистерн, вот, если они все прибыли, значит, скоро еще один реактор включим, чтобы поскорее железнодорожные цистерны освободить.

Я огляделась вокруг. Внутри аппаратной находилась панель управления реактором, на которой мигали разноцветными огнями лампочки, дрожали стрелки приборов. Какие-то малые и большие рычажки находились на пульте, обилие которых приводило меня в ужас: неужели же во всем этом можно разобраться, запомнить, когда и что нажимать и поворачивать? Но самым большим и внушительным в кабине управления реактором, как я про себя окрестила это помещение, были два вентиля средних размеров, какие можно видеть на трубах магистрального водопровода. Они помещались с разных сторон от пульта, один из них был выкрашен нежно-голубой, другой – ярко-красной краской, что едва ли было случайно. На противоположной от окна стене аппаратной я заметила большое полотнище белого ватмана. «Сначала – СИНЕЕ, потом – КРАСНОЕ», – аршинными буквами было написано на нем, причем слова «синее» и «красное» были нарисованы более крупно гуашью соответствующего цвета.

Хозяйка всего этого, та, что мы видели в окне, женщина средних лет в бесформенном, безобразном комбинезоне и оранжевой каске, снова на мгновение оглянулась и улыбнулась нам, когда мы вошли, но тут же отвернулась и опять стала смотреть на приборы. Вид у нее был сосредоточенный, но спокойный, работа казалась привычной.

– Ну, ты, Сергей Викторович, – сказал Щеглов, ткнув локтем в бок начальника пятого цеха, – давай раскрой свое хайло, представь работницу корреспондентке с телевидения!

– Шутова Наталья Сергеевна, – послушно заговорил тот, – аппаратчица пятого разряда, работает на заводе с 1981 года...

– Блин, ты еще все ее наградные и премии перечисли! – Щеглов снова ткнул в бок начальника пятого цеха. – До седых волос дожил, а не научился с женщиной разговаривать!

– Да ну тебя на хрен! – вдруг вспыхнул Сергей Викторович. – Вот сам с ней и разговаривай, если ты такой умный. Только не слишком долго, сейчас новая заправка реактора начнется, Наташе не до вас, обормотов, будет.

И рассерженный начальник пятого цеха вышел из аппаратной. К моему удивлению, Щеглов, кивнув мне на прощание, последовал за ним. Оставшись одна рядом с погруженной в наблюдение за приборами аппаратчицей, я немного растерялась: ловко они все меня бросили! А кто мне расскажет обо всем, что здесь происходит? Как мне вообще поговорить с этой аппаратчицей, когда она даже глаз оторвать от приборов не может?

В этот момент аппаратчица снова на мгновение обернулась и приветливо улыбнулась мне.

– А вас Ирина Лебедева зовут, да? – спросила она неожиданно певучим, мелодичным голосом. – Сразу вас узнала. Столько раз по телевизору видела – я вашу программу часто смотрю...

Я вздохнула несколько облегченно: кажется, все-таки контакт налаживается.

– Послушайте, я ведь вам мешаю, да? – проговорила я. – У вас, я так поняла, сейчас какой-то ответственный момент...

– Ну, не сейчас, а скоро, – сказала она, снова на мгновение оборачиваясь. – Сейчас технологический процесс закончился, и идет выгрузка реактора. Керосин уже ушел по трубам. Теперь отводятся тяжелые углеводороды...

От сочетания этих слов «тяжелые углеводороды» я опять почувствовала, как у меня начинается головная боль.

– А ваша работа очень ответственная, правда? – спросила я, чувствуя, что вопрос звучит глупо.

– Да ну, я бы так не сказала, реактор сам все делает, – проговорила аппаратчица, не отрываясь, однако, от приборов. – Самый ответственный момент, – продолжала она, – наступает во время подачи воды и создания вакуума. Тут главное – не перепутать, сначала подать воду, а потом включить вакуумные насосы. Если сделать наоборот, произойдет взрыв. Вон, смотрите, – добавила она беспечно, кивая на разноцветные вентили.

Я еще раз оглядела внушительные краны, потом плакат на стене и почувствовала, что в голове моей что-то проясняется.

– Синий кран подает воду? – спросила я. – А красный включает насосы, так?

– Ну, почти, – с доброй усмешкой подтвердила аппаратчица. – Насосы включает вот этот рычаг, – она показала рукой. – Но в момент их включения вакуумные трубы должны быть открыты, и в реакторе, кроме нефти, должна быть вода. Если ее там не будет, произойдет взрыв...

Мне снова стало чуточку не по себе от этого, самым обыденным тоном сказанного уточнения.

– По-моему, нетрудно запомнить, – заметила я.

– В принципе, да, – согласилась аппаратчица. – Тем более, смотрите: вон плакат, краны разного цвета, разной формы... Они, кстати сказать, и открываются в разные стороны. Но до сих пор время от времени допускаются ошибки, путаница, подают вакуум к одной чистой нефти, и происходит взрыв...

– И у вас у самой бывало такое? – спросила я.

– Нет, слава богу! – весело воскликнула аппаратчица. – Тех, кто допустит взрыв, как минимум с работы увольняют, а то и под суд отдадут. Если, конечно, им удастся в живых остаться! – добавила она с лукавой улыбкой.

– Ну, как тут у вас дела? – спросил Щеглов, вдруг появившись в дверном проеме. – Беседуем? Отлично, беседуйте на здоровье! – Он усмехнулся. – Слушайте, сейчас правда будет новая загрузка реактора, – сказал он чуть более серьезным тоном, – по инструкции, посторонним присутствовать в этот момент в цехе запрещено...

– Да ладно, Денис, пусть журналистка посмотрит! – возразила аппаратчица неожиданно фамильярным тоном. – Что ей сделается-то...

– Ничего, да? – Щеглов довольно ухмыльнулся. – Ну, смотри, Наташка, под твою ответственность...

Он хотел уже выйти из аппаратной, как вдруг на пороге ее появился Сергей Викторович, начальник пятого цеха.

– Так, вы что? Ну-ка, марш отсюда! – заговорил он сердитым тоном. – Сейчас ответственное начало технологического цикла, вы не имеете права здесь находиться!

– Ладно, ладно, Сергей... Викторович! – воскликнул Щеглов, бесцеремонно выталкивая начальника цеха из аппаратной. – Пусть посмотрит, ничего не случится.

– Да ну тебя на хрен! – снова вспылil тот. – Ты что, нас всех под суд хочешь отдать? Пусти, обормот проклятый!

Но Щеглов, схватив сопротивляющегося начальника цеха в охапку, уже тащил его прочь из аппаратной.

Я оглянулась на аппаратчицу, казалось, она не замечала произошедшей сцены. На ее пульте мигало теперь зеленое табло: «Реактор к новой загрузке готов». Шутова переключила какой-то рычаг, и тут же зеленое табло погасло. Зажглось желтое с надписью: «Идет загрузка нефти». Стрелка одного из приборов быстро и плавно отклонялась, показывая растущее количество нефти в реакторе, аппаратчица не сводила глаз с нее, сжимая в руке еще один какой-то рычаг. Внезапно, когда стрелка прибора достигла красной черты, аппаратчица быстро переключила рычаг, и желтое табло погасло.

– Все, реактор полон, – объявила она вполголоса. – Теперь самый ответственный момент. Главное – не перепутать вентили...

Аппаратчица потянулась к синему вентилю, но увидеть, как она откроет его, мне не было суждено: снаружи аппаратной меня окликнул Щеглов:

– Ирина Анатольевна! Смотрите сюда! Здесь самое интересное!

Я послушно высунулась в смотровое окно, увидела Щеглова и Сергея Викторовича, стоявших вместе посреди цеха.

– Вон, вон туда смотрите! – крикнул мне Щеглов, показывая куда-то в сторону.

Я послушно посмотрела туда, но не увидела ничего особенно интересного. Клубы пара поднимались из какой-то трубы, как от прорванной линии теплотрассы – зрелище вовсе не оригинальное и совсем не радостное. Реактор тем временем задрожал, зарокотал, и я восторженно приветствовала его рокот, свидетельствующий о начавшейся внутри его реакции.

Вдруг позади меня в аппаратной раздался истошный женский вопль. Краем глаза я успела заметить, как огромный реактор медленно приподнимается над полом, и снизу его, точно ракету, окутывают клубы пара. И в этих клубах тонут стоящие посреди цеха Щеглов и Сергей Викторович. Волна грохота нарастает, огромный стальной реактор раскалывается надвое, обнажая светящееся огнем свое нутро. В этот момент чьи-то руки оторвали меня от бокового смотрового окна и бросили на холодный, грязный стальной пол. Кто-то, скорее всего аппаратчица, упала на меня сверху и закрыла меня всю своим огромным бесформенным, как балахон, комбинезоном. И в этот момент гроыхнуло страшно, оглушительно, казалось, сотрясся и закачался весь мир, и я на некоторое время оглохла и онемела. Страшный удар обрушился на нас, да такой силы, что мне показалось, еще мгновение, и я его не выдержу, и поток тяжелой, огненно-горячей жидкости хлынул на нас сверху, просочился, обжигая, под защитный балахон, укрывавший нас. Мы обе, не помня себя от ужаса, закричали, но наши крики в стоявшем вокруг грохоте едва ли были слышны.

– Прижимайтесь к земле! – вдруг разобрала я нечеловеческий вопль аппаратчицы прямо над моим ухом. – Как можно крепче прижимайтесь к земле! Сейчас будет...

Я послушно прижалась к полу, залитому вытекшей из реактора нефтью, ожидая того, что сейчас будет. И оно пришло. Волна огня обрушилась на нас сверху, на мгновение мне стало невыносимо горячо, ужас охватил меня. В узкой щели между тканью комбинезона и полом я видела, как пляшут вокруг нас ослепительные желтые языки пламени, пожирающие вылившуюся из реактора нефть. Вскоре они стали гаснуть и вовсе исчезли, оставив невыносимый запах керосиновой гари, подействовавший на меня удушающе. Невыносимый жар также стал спадать, оглушительный грохот стихал, и вскоре вокруг стало неожиданно тихо и спокойно, будто ничего особенного не произошло. Некоторое время я лежала в растерянности, не зная, что теперь делать. Аппаратчица лежала поверх меня неподвижно, и я терялась в догадках, ожидает ли она нового взрыва, или, может быть, она без сознания.

Вдруг отчетливо послышались чьи-то торопливые шаги, кто-то на бегу заскочил в аппаратную. Этот кто-то приподнял лежащее на мне тело аппаратчицы, и, подняв голову, я узнала Щеглова. Вид у него был ужасный: волосы на голове обгорели, на лице багровел сильный ожог и множество ссадин. Элегантный зеленый пиджак был перемазан нефтью и тлел в нескольких местах.

– Быстрее, Ирина Анатольевна, бежим! – закричал он во всю глотку, глядя на меня широко раскрытыми от ужаса глазами. – Сейчас остальная нефть полыхнет, здесь такой факел зажжется, всему городу видно будет!

И, подхватив бесчувственное тело аппаратчицы, он потащил его куда-то к выходу. Я, совсем потеряв голову от страха, как могла быстро последовала за ним.

Оказавшись снаружи помещения, мы оба еще продолжали некоторое время бежать прочь от страшного цеха. Изнутри валили клубы черного дыма пополам с паром, а нам навстречу бежали люди с перекошенными от ужаса лицами. Завыла где-то сирена, показалась красная пожарная машина, отчаянно переваливаясь на ухабах, она мчалась к аварийному корпусу крекинг-завода. Наконец мы без сил повалились на узкий клочок старой пожухлой травы возле какой-то широченной стальной трубы, внутри которой что-то напряженно клокотало и журчало. Щеглов бережно опустил на землю бесчувственное тело аппаратчицы, ее лицо было

бледно, но спокойно. Наклонившись над ней, Щеглов вскоре с удовлетворением констатировал:

– Дышит... Наверное, взрывной волной ее оглушило. Ничего, оклемается.

– А Сергей Викторович? – спросила я нетерпеливо. – Он спасся?

– Не знаю, – сказал Щеглов торопливо.

Я видела, что руки его отчаянно дрожали.

– Как из реактора пар пошел, я сразу тикать, а он стоит посреди цеха и смотрит как дурак... – продолжал Щеглов.

И он снова умолк, рассеянно глядя на громаду цеха ь5, из которого продолжали валить клубы дыма.

– Эх, ядрена-матрена, вот это фейерверк! – проговорил зам главного инженера, нервно потирая перемазанными в нефти руками свое закопченное лицо. – Убытку-то теперь на несколько миллионов рублей... Как же это ты, Наташка, а? Столько лет проработала на этом проклятом заводе... Неужели вентили перепутала?

И он вопросительно посмотрел на лежащую аппаратчицу. Лицо ее было по-прежнему бледно, и глаза закрыты. Она была без сознания.

* * *

Аппаратчицей вскоре занялись врачи «Скорой помощи», подъехавшей на аварийный завод удивительно быстро. Щеглову врач «Скорой помощи» мазнул пару раз зеленкой по особо страшным ссадинам и посоветовал непременно пойти к дерматологу: ожоги кожи на лице очень серьезные. Щеглов только досадливо отмахнулся. Мне врач порекомендовал умыться бензином. На его настойчивые расспросы я отвечала, что ничего у меня не болит, и это была чистая правда. Отделавшись от врачей «Скорой помощи», мы вместе со Щегловым направились к продолжавшему дымиться цеху, где теперь кипела работа, возились люди в оранжево-желтой спецодежде, а рядом выстроились машины с оранжево-черной полосой на борту – оперативные МЧС. Мы со Щегловым направились к небольшой группе солидных мужчин, стоящих чуть в стороне от всеобщей суеты и наблюдавших за работой других. Среди них я заметила и знакомую фигуру Валерии Дмитриевны, главного инженера завода, и поняла, что все они не иначе как руководство предприятия.

Так и оказалось. Один из мужчин глянул пристально на подошедшего Щеглова, переспросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Этот тоже, что ль, там был? – И, не дожидаясь ответа, отвернулся, добавив вполголоса: – Вот черт, ничего его не берет. Другие гибнут, а ему хоть бы хны...

В этот момент взоры всех обратились к выходу из аварийного цеха. В дверях показались четверо спасателей МЧС, тащивших нечто большое и тяжелое, завернутое в черный полиэтилен. Вытащили, донесли до противоположного края асфальтовой площадки перед аварийным цехом, где они никому не мешали, бережно положили черный сверток на асфальт. После чего один из спасателей направился к группе руководства крекинг-завода.

– Все обыскали, нашли только одно тело, – проговорил он будничным тоном. – Смотреть будете? Хотя там так все изуродовано, просто куски мяса... Вряд ли лицо можно узнать...

При этих словах стоящие переглянулись, даже несколько побледнели, никто из них не двинулся с места. Царило напряженное, скованное молчание. Спасатель МЧС, видимо, прекрасно понимавший страхи присутствующих, молча, терпеливо ждал.

– Кто был в цеху-то? – спросил наконец один из мужчин, по виду самый главный. – Кто успел выбежать перед взрывом, а кто остался?

– Ясно, кто, – сказал сердито Щеглов. – Венглер остался. Я ему кричал: «Тикай, Сергей Викторович, сейчас эта штука взорвется, сгоришь на хрен». А он стоит, смотрит словно завороченный, как пар из реактора идет.

– Откуда вы ему кричали? – поинтересовался спасатель МЧС.

– Из-за бетонного экрана, – отвечал Щеглов.

– Ты был за бетонным экраном возле реактора? – удивился солидный мужчина. – И уцелел при взрыве?

Щеглов смущенно замялся, за него ответил спасатель МЧС: – Вполне может такое быть, товарищ директор завода, – заявил он уверенно. – Экран как бы создает мертвое пространство, взрывная волна проходит мимо, как бы огибает его, и находящегося за ней только огнем немного опалило, и все. Этот экран очень умные люди строили.

Названный директором крекинг-завода сначала пристально посмотрел на Щеглова, потом кивнул и спросил спасателя МЧС:

– Ну, если точно известно, что в цеху был только один Венглер, зачем же нам тогда смотреть на труп? Ясно, что это он...

– Так положено, – пожал плечами спасатель.

– Вы говорите, он сильно изуродован? – переспросил директор. – Он что, обгорел, что ли?

– Ну, обгорел он не сильно, – отвечал тот преспокойно. – На него какая-то деталь арматуры свалилась, кости переломала. Посмотрите. Может быть, можно узнать. В любом случае опознавать придется. Для милиции акт составлять и все такое...

Тяжко вздохнув, мужчины направились к лежащему на асфальте черному полиэтиленовому свертку. Недолго думая, мы с Валерией Дмитриевной последовали за ними. Один из спасателей стал осторожно разворачивать черный полиэтилен, и я почувствовала, как меня охватывает дикий ужас и ноги делаются ватными.

– Не смотрите, – сказала главный инженер, осторожно беря меня за руку, отводя в сторону и поворачивая спиной к страшному свертку. – А то потом ночью уснуть не сможете.

Мы обе стали послушно глядеть в сторону. Слышали, как перестал шуршать полиэтилен, на минуту воцарилось молчание.

– Да, это он, – сказал Щеглов. – Вон и рубашка его, часы на руке...

– Эх, бляха муха, – проговорил директор крекинг-завода. – Щеглов, ты ж рядом был. Не мог, что ли, утащить его из опасной зоны взрыва?

– Я что, помню, что делал? – отозвался хмуро Щеглов. – Я как увидел, что реактор вот-вот взорвется, одна только мысль – бежать. В таких ситуациях, сами знаете, каждый думает только о себе.

– Правильно, – вторил ему кто-то. – Стал бы он нашего Сергея Викторовича спасать, и его бы вытащить не успел, и сам бы погиб.

Мы опять слышали, как шуршит полиэтилен, видимо, тело снова заворачивали. Когда мы обе решились обернуться, обычный черный сверток лежал на асфальте. Группа руководства завода стояла рядом, покачивая головами.

– А чей реактор, собственно, взорвался? – вдруг резко обернувшись, спросил директор завода.

– Шутовой, – отозвался Щеглов. – Сегодня только один ее и работал, для остальных нагрузки не хватает. Вы же сами распорядились второй и третий реакторы временно остановить.

– Да, помню, – отозвался директор хмуро. – Как же это она, а? Неужели вентили перепутала? Столько лет проработала, все было нормально.

В этот момент мы заметили приближающуюся к нам фигуру в белом халате, наверное, одного из врачей «Скорой помощи».

– Послушайте, там пострадавшая пришла в себя, – сказал он, подходя к нам. – Она очень просит, прежде чем ее увезут, сказать вам несколько слов.

Директор удивленно посмотрел, но последовал за врачом, что-то недовольно ворча себе под нос. Мы все двинулись за ними.

Аппаратчица лежала уже на медицинских носилках возле машины «Скорой помощи», готовая к отправке, группа врачей стояла кружком возле нее, и они о чем-то переговаривались между собой. Шутова была по-прежнему бледной, но на этот раз ее глаза были широко открыты и лихорадочно блестели. Увидев нас, приближающихся к ней, она задрожала.

– Михаил Евгеньевич, послушайте! – Она заговорила горячо, быстро, но очень тихо, на большее, очевидно, не хватало сил. – Михаил Евгеньевич, я ничего не перепутала, клянусь вам!

– Да? – вдруг вспыхнул директор. – А почему же тогда реактор взорвался, можете вы мне это объяснить? Само собой это ведь не взорвется, правильно?

Я видела, как губы лежащей на носилках отчаянно кривятся, а глаза налились слезами. Один из врачей «Скорой помощи» осторожно тронул директора за рукав.

– Слушайте, не надо так! – тихо проговорил он. – Ее состояние достаточно тяжелое.

Директор смутился, потупился с выражением досады на лице, стал в растерянности потирать себе лоб. Мы стояли вокруг, затаив дыхание, и ждали, что будет дальше.

– Я клянусь вам! – продолжала сквозь слезы аппаратчица. – Всякий раз, прежде чем эти проклятые вентили крутить, я сосредотачиваюсь, думаю, что именно и в каком порядке нужно сделать, смотрю на этот плакат. И в этот раз все было так же. И я отлично помню, что сначала открыла синий вентиль, а потом красный. Не знаю, почему произошел взрыв.

– Да, – вдруг неожиданно для самой себя заговорила я. – Я отлично помню, Шутова сначала потянулась к синему вентилю. Вот только как она его открывала, я не видела, меня отвлекли.

Несколько мгновений руководящая компания молча и изумленно смотрела на меня.

– Слушайте, вы кто, собственно, такая? – в изумлении спросил директор завода. И до меня вдруг дошло, что, перемазанная нефтью, я, вероятно, имею очень даже экстравагантный вид, но ведь это может навести на какие угодно мысли. Я и не подумала об этом, когда рухнула на пол под тяжестью навалившейся на меня аппаратчицы, между прочим, спасшей мне жизнь.

– Это Ирина Лебедева с телевидения, – поспешила объяснить Валерия Дмитриевна, главный инженер. – Мы ее сюда пригласили...

– Пригласили? Кто? Зачем? – возмутился директор.

– Сейчас трудно вспомнить, от кого именно исходила инициатива, – произнесла Валерия Дмитриевна не совсем уверенно.

– И она что, находилась в аппаратной во время технологического процесса? – спросил директор прокурорским тоном.

– Конечно, была, – подтвердил Щеглов. – И во время взрыва тоже.

Тут директор и все остальные уставились на меня во все глаза.

– Как вы в таком случае уцелели? – спросил он ошарашенно. – Я вас поздравляю, из всех пострадавших вы отделались легче всего!

– А ее Наташка своим телом накрыла! – пояснил Щеглов. – Я когда вбежал, она аккуратненько так поверх тележурналистки лежала... Сама без сознания, а ее спасла.

Все снова и снова переводили взгляд с меня на лежащую на носилках Шутову, которой, видно, снова стало нехорошо, и она в изнеможении закрыла глаза.

– Это она и виновата, сбила Наташку с панталыку, – вдруг с непонятной мне ненавистью сказал Щеглов. – Пристала к ней с вопросами, что да как. А та голову и потеряла: как же, к ней с телевидения приехали! Наверное, уже телезвездой себя вообразила.

– Ты все врешь, Щеглов! – вдруг тихо и отчетливо сказала лежащая на носилках. – Ирина Лебедева мне ничуть не мешала и с расспросами ко мне не приставала. Как ты можешь все это утверждать? Тебя же в это время не было в аппаратной!

– В аппаратной не было, – согласился Щеглов. – Я внизу стоял и через окно все видел.

– Ничего ты не видел, ты с Венглером трепался, – с видимым усилием проговорила аппаратчица. – И теперь тебе ответственность полагается за то, что ты во время технологического процесса в аппаратную постороннего человека привел.

– Ты сама разрешила ей там находиться!

– Все равно, правилами техники безопасности это запрещено, – проговорила как-то безжизненно аппаратчица. – Это ты недоглядел, а теперь хочешь на меня всю вину свалить.

– А на кого еще я должен ее валить? – вдруг вспыхнул Щеглов. – Кто вентили перепутал – я? Кто не в той последовательности их открыл?

– Я не перепутала! – вдруг изо всех сил крикнула Шутова. – Я все сделала правильно!

Ее тело на носилках вдруг обмякло, глаза закатились, лицо посерело, рот скривился. Врачи «Скорой помощи» засуетились, стали надевать на лицо потерявшей сознание кислородную маску. Один из врачей, повернувшись к нам, строго сказал:

– Так, господа, все: производственное совещание окончено! А то мы ее не довезем, по дороге помрет!

И так выразительно посмотрел на нас, что директор, а вслед за ним и все остальные отступили в сторону, молча и хмуро наблюдая, как носилки с бесчувственной аппаратчицей задвигают в машину «Скорой помощи».

– Я же говорил, – продолжал вполголоса оправдываться Щеглов. – На время технологического процесса надо посторонним покинуть цех. А Наташка мне возразила: «Нет, пусть останется. Под мою ответственность». Ну, скажите, разве не так это было? – повернулся он вдруг ко мне.

Мне ничего не оставалось, как подтвердить его слова. Директор с сумрачным видом наблюдал за нами, потом кивнул.

– Ладно, ситуация ясна, – сказал он наконец. – Вы отвлекли аппаратчицу от ее обязанностей, в результате та допустила ошибку в управлении технологическим процессом, что привело к аварии. Винить вас в этом никто не винит, вы про все эти тонкости знать не могли, а вот самой Шутовой достанется, это я вам обещаю... Если бы при этом человек не погиб, тогда ладно, может быть, без лишнего шума замяли бы дело, но теперь! – Директор тяжело вздохнул. – Эх, Серега, Серега! Столько лет на нашем заводе проработал, производство от первого до последнего звена наизусть знал! И вот, на тебе...

Тут до нас донеслись звуки чьих-то отчаянных рыданий и воплей, которые не мог заглушить даже шум работавших возле цеха пожарных машин. Оглянувшись, мы все увидели, как около свертка из черного полиэтилена рыдает какая-то женщина, рухнув на колени прямо на асфальт, а один из спасателей стоит рядом и сумрачно смотрит на нее.

– Жена, – пояснил вполголоса директор. – Вот для кого горе-то. Эх, Серега, Серега, как же это тебя угораздило-то?!

Тем временем к черному полиэтилену подъехал еще один «уазик» с надписью «Дежурная УВД» на лобовом стекле. Один из спасателей бережно поднял за плечи жену погибшего Венглера и повел ее прочь от мертвого тела. Два санитары в белых халатах с бесстрастным выражением лица взяли свертки с двух сторон и стали весьма небрежно запихивать его в салон автомобиля «УАЗ». Вдова Венглера, увидев это, зашлась истерическими рыданиями.

– У него, наверное, дети остались, – предположила я, чувствуя, что фраза моя совсем не к месту и звучит довольно глупо.

– Да, двое, – отозвался директор. – Сын и дочь. Сын Юрка, девятнадцать лет, в политехе учится... Хороший парень!

В это время к директору подошел мужчина с золотым перстнем на пальце. Я не сразу сообразила, что уже видела его сегодня, это был начальник охраны крекинг-завода.

– Михаил Евгеньевич, там на проходной еще какой-то корреспондент пройти хочет, – сказал начальник охраны. – Говорит, криминальный репортер. Говорит, ему нужна Ирина Лебедева... – продолжал начальник.

Некоторое время директор смотрел на него сумрачно, потом безнадежно махнул рукой.

– А, хрен с ним, пусть проходит, – сказал он со вздохом. – Криминальный так криминальный. Вот она, Ирина Лебедева, пусть берет ее.

Директор крекинг-завода махнул на нас рукой и, снова вздохнув, направился к исходившей рыданиями вдове погибшего начальника пятого цеха. Его свита следовала за ним. Тем временем я видела, как начальник охраны отдает какой-то короткий приказ по небольшой компактной рации, после чего, сунув ее обратно в карман, с любопытством и наглой усмешкой рассматривает меня. Я чувствовала, как против воли голова моя начинает кружиться и в груди тесниться от восторга, впрочем, это было не удивительно, ведь начальник охраны был красивым мужчиной.

– Вон, идет ваш знакомый, – сказал он, кивая куда-то в сторону проходной, после чего, повернувшись, направился прочь.

Обернувшись, я и в самом деле увидела приближающегося Валерия Гурьева, нашего криминального репортера.

Не доходя нескольких метров, он вдруг узнал меня, на мгновение остолбенев, потом вдруг покраснел и стал как-то странно кривляться. Я поняла: его душит приступ еле сдерживаемого смеха. Молча и довольно равнодушно наблюдала я, как некоторое время Валера пытается взять себя в руки. Когда он все-таки справился с собой и подошел ко мне, непроизвольные ухмылки то и дело проскальзывали у него по лицу. Такой уж он был ехидный, наш криминальный репортер Гурьев.

– Везет тебе, Ирина, прямо-таки притягиваешь к себе несчастья, – сказал он. Потом его лицо снова растянулось в ухмылке: – Хорошо выглядишь! Говорят, нефть никакие шампуни не берут, только бензин...

– Значит, буду мыться бензином, – преспокойно констатировала я.

И, вытащив из сумочки зеркальце, взглянула в него: так и есть, я вся чумазая. В нефти перемазана не только одежда, но и лицо.

– Меня тут чуть не убило этим проклятым взрывом, – сказала я. – Не до внешнего вида. А ты что, собственно, приехал? Здесь никакого криминала, просто несчастный случай...

– Как знать. – Валера Гурьев, продолжая ухмыляться, неопределенно пожал плечами. – Совпадений уж больно много: взрыв реактора, человеческие жертвы, и это все в то время, когда Ирина Лебедева как раз готовит там свою новую программу... – Оглядывая меня, он опять ехидно захихикал: – Между прочим, пошли скорее, а то твой Костя Шилов с ума сойдет.

– Где он? – Я и в самом деле встревожилась. – Он что, здесь? А почему сюда не прошел? – Валера Гурьев с усмешкой наблюдал мою тревогу.

Отношения с Костей были у меня исключительно дружеские, без всяких даже намеков на интим. Но я знала, что Костя отчаянно и безнадежно влюблен в меня и в случае, если решит, что мне угрожает какая-то опасность, может сорваться и начать совершать глупости. От этого его нужно было тщательно оберегать.

– Не пугайся, все нормально, – сказал наконец Валера, вдоволь насладившись моим смятением. – У ворот проходной дожидается. У него же нет журналистского удостоверения, его сюда не пропустили. Потом, он же с машиной, ее он в этом сомнительном районе тоже одну оставлять не хочет.

– А с какой стати он вообще сюда приехал? – недоумевала я.

– А с такой! – Валера довольно ухмыльнулся. – Он как узнал, что на крекинг-заводе ЧП и ты как раз там должна быть, все бросил, Кошелева в глаза на хрен послал, сел в машину и сюда помчался. Я едва его уговорил меня с собой взять.

Я кивнула, торопливым шагом направляясь к проходной завода. Оставлять в таком состоянии Костю и вправду было нельзя.

Костя Шилов изумился при виде моей «закопченной» внешности и перепачканной нефтью одежды. Но в отличие от Валеры не зашелся смехом, а страшно встревожился. Впрочем, быстро успокоился, поняв, что я никак более не пострадала. Однако потребовал подробного и тщательного рассказа о том, что именно произошло со мной на крекинг-заводе. Валера Гурьев тоже смотрел на меня с жадным любопытством, и я поняла, что мне не отвертеться.

Рассказывала я, стоя возле машины рядом с заводом. Шилов время от времени хмурился и приходил в ужас от мысли, какой опасности я подвергалась в его отсутствие, но в общем и целом был совершенно спокоен и даже как будто бы счастлив, что все так хорошо обошлось. Валера, напротив, вскоре потерял интерес к моему рассказу: по-настоящему его интересовал только криминал, здесь же криминалом, по-видимому, и не пахло, стало быть, вся эта история его мало касалась.

Потом Костя предложил довезти нас домой на телевизионной «Волге», от чего никто из нас не решился отказаться: крекинг-завод был черт знает как далеко от центра города. По пути мы все трое молчали, каждый отдался своим мыслям. Мне, несмотря ни на что, не давало покоя сегодняшнее происшествие. Перед глазами все стояло бледное лицо аппаратчицы Наташи Шутовой, из последних сил клявшейся, что она все сделала правильно и вентили открыла в нужном порядке. Вообще-то, утверждать такое было в ее интересах, ведь за халатность, приведшую к гибели человека, ей полагалась немалая ответственность. А с другой стороны, если она и вправду повернула вентили в правильной последовательности? Я ведь своими глазами видела, как она потянулась к синему вентилю, а не к красному! Жаль, конечно, что Щеглов меня отвлек и я не увидела, какой она на самом деле открыла... Но трудно поверить, чтобы человек, столько проработавший на производстве, знающий его на сто процентов, мог перепутать, когда и почему должна сначала потечь вода, а потом создаваться вакуум, причем плакат на эту тему висит на стене перед глазами... А что я ее могла отвлечь разговором, как утверждают директор и этот Щеглов, так это полнейший вздор: вовсе я с ней не разговаривала, а просто стояла и смотрела. Что-то в этой истории мне решительно не нравилось, и я не совсем понимала что. Можно, конечно, плюнуть и сказать, да какое мне дело до всего этого! Радуйся, что осталась жива и здорова, только в мазуте немного перемазалась, ну, так это отмоешь, не шампунем, так бензином. Но тут мне вспомнилось, как в момент взрыва меня сзади отчаянно схватила Наташа Шутова, как повалила на пол и накрыла собой и своим таким неуклюжим, бесформенным комбинезоном. Эта бесформенность, однако, спасла нас обоим жизнь. Вот именно – спасла жизнь! Я вспомнила, как плясали вокруг нас языки пламени, как навалилась на меня страшная, невероятная тяжесть, наверное, взрывной волны. Если бы не Наташа, я погибла бы в этом аду, как бедный Сергей Викторович, и теперь бы точно так же, как он, лежала завернутая в черный полиэтилен. Наташе Шутовой я обязана жизнью, вот что! А раз так, разве не мой долг помочь ей? Хотя бы тем, чтобы попытаться разобраться в этом деле, тем более что есть веские сомнения в том, что Наташа и правда допустила ошибку. И пусть администрации крекинг-завода это не понравится, пусть ко мне это не имеет прямого касательства...

– О чем задумалась, Ирина? – Валерий прикоснулся к моей руке. – Смотри, уже приехали...

Наша машина остановилась, припарковавшись неподалеку от моего дома. Гурьев и Костя недоумевающе смотрели на меня.

– Что-нибудь случилось, Ирина Анатольевна? – обеспокоенно спросил Шилов. – Вы что-нибудь забыли там, на заводе?

– Нет-нет, Костя, пока все в порядке, – поспешила я заверить его. – Кстати, какие у вас планы на завтра?

Мужчины смущенно переглянулись. Наконец заговорил Валера:

– У него планы заглаживать перед начальством свой несвоевременный посыл на хрен, – сказал он, с ухмылкой кивая на Костю. – Так что, Ирина, завтра на его машину лучше не рассчитывать. Если, конечно, не хочешь, чтобы Шилова с работы уволили.

Нет, я не хотела, чтобы Костю уволили, Валера был прав.

– А ты сам-то завтра очень занят? – спросила я.

– Может, и не очень. – Валера усмехнулся: – А скажи, ты что, собственно, задумала?

– Еще не знаю, – вздохнула я. – Завтра в девять встретимся на работе, может, к тому времени что-то и решу. Не нравится мне вся эта история на заводе, понимаешь? Не нравится!

С этими словами я вылезла из серой телевизионной «Волги» и направилась домой, где меня ждал мой муж Володька, должно быть, уже вернувшийся со своих лекций в университете.

Глава 2

– Ну вот, сразу видно, что ты побывала на крекинг-заводе! – сказал Володька, встретив меня в прихожей и критически рассматривая мой внешний вид. – Вот и Виталька Белоусов тоже постоянно жалуется, что каждый раз, когда его сын приходит с улицы, сразу видно, где именно он побывал и куда слазил...

– Ты замечательно остроумный мужчина, – сказала я, – для жениха это очень важное качество. Но для супруга много любезнее было бы с твоей стороны, если бы ты придумал, как мне отмыть лицо от мазута...

– А это мазут? – В его вопросе чувствовался профессиональный интерес. – Мазут я очень люблю, в свое время диссертацию по нему защитил очень успешно.

– Ах, ну да, ты ведь у нас нефтехимик! – сказала я саркастически, сбрасывая туфли и направляясь в ванную. – Но готова поспорить, что в твоей диссертации не было ни слова о том, как отмыть от мазута лицо и руки.

– Да я это и так знаю. – Володька пожал плечами. – Мазут, как и гудрон, как и битум, хорошо растворяется в бензине. У нас в доме где-то был бензин специально на такой случай...

Конечно, я знала, что у нас в доме хранится бензин, и в отличие от Володьки даже знала, где он спрятан. Взяв с полки бутылку с прозрачной маслянистой жидкостью, я открыла ее, стала тереть ею лицо и руки, черные маслянистые пятна растворялись в ней мгновенно, и их после этого легко было стирать тряпочкой. Ободренная было успехом, я попробовала сделать то же самое и с блузкой. Но к ней бензин отнесся менее доброжелательно, чем к моей коже, и я решила, что, пожалуй, блузку и юбку, в которые я в тот день была одета, придется выкинуть. Пока же, аккуратно сняв вещи, я положила их в бельевой таз – сразу сунуть в помойное ведро у меня не хватило духу.

– Если не секрет, как это тебя угораздило, а? – спросил Володька, с вялым любопытством наблюдая за моими манипуляциями. – Цистерну с нефтью на тебя опрокинули, что ли?

– Да нет, все гораздо проще, – сказала я как можно легкомысленней. – Там, на крекинг-заводе, реактор с нефтью взорвался, а я была поблизости. Вот меня всю и окатило.

– Реактор взорвался? – С затаенной радостью я отметила, что лицо Володьки вытянулось. – На крекинг-заводе? Ни фиги себе! То-то я смотрю, в той стороне столб черного дыма к небу тянется. Я так и подумал, уж не случилось ли что на крекинге, в то время как ты там ошивалась.

– Случилось, как видишь, – сказала я сухо, заканчивая водные процедуры и надевая домашний халат вместо испорченной нефтью одежды. – Я, кстати сказать, хотела с тобой посоветоваться! – заявила я, проходя в нашу гостиную и усаживаясь на диван. Володька тотчас пристроился рядом со мной.

– А скажи, – начал он, – что именно там, собственно, взорвалось?

Я озадаченно уставилась на него. Конечно, название этого реактора мне говорили, даже не один раз, но вспомнить его при всем желании теперь я не могла.

– Там что-то с вакуумом было связано, – сказала я, напряженно потирая лоб. – И еще с водой...

– Может быть, ректификационная колонна? – предположил Володька.

– Нет, нет! – я решительно замотала головой. – Они не называли это колонной, отлично это помню. Там один кран синий, другой красный, и сначала нужно повернуть синий, а только потом красный, иначе произойдет взрыв. Они там авиационный керосин на этой установке получают, – вспомнила наконец я.

– Ах, вот это что! – воскликнул радостно Володька. – Это установка по вакуумному гидроформингу нефти.

– Вот-вот! – подтвердила я. – Именно так они и говорили. Я же помню: гидро-, что-то с водой связано.

– Ну, тогда понятно, почему она взорвалась, – продолжал уверенно Володька, – Ты, наверное, пристала к аппаратчице со своими вопросам, та отвлеклась, забылась и вот перепутала краны: вместо воды сначала открыла вакуумный кран. Там, видишь ли, в таком случае происходит дикий перепад давления, такого стенки реактора при всем желании не выдержат. Да, Иринка, везет тебе на несчастья! – добавил муж, сочувственно глядя на меня.

А я продолжала смотреть на него озадаченно. Уверенность, с какой мой супруг повторил версию руководства завода, меня сильно смущала.

– Понимаешь, Вовик, – осторожно заговорила я. – Аппаратчица клянется, что она в правильной последовательности повернула вентили.

– Конечно, она в этом клянется! – заявил Володька самоуверенно. – И будет со слезами на глазах клясться перед государственной комиссией. А что еще ей остается делать? Это же подсудное дело, то, что она там учинила! Надеюсь, никто не погиб?

– Погиб, – ответила я. – Начальник цеха...

– Ну, вот видишь! – заключил Володька торжествуя. – Боюсь, ей круто за это отвечать придется. Комиссию теперь никакими доказательствами не убедишь, если она даже будет плакать и утверждать, что все сделала правильно.

Муж умолк, видно было, что он исключительно доволен собой, своей проницательностью и тонким знанием женской психологии. А я, задумчиво глядя в лицо моему супругу, все пыталась вспомнить, воскресить перед внутренним взором эти мгновения, последние секунды перед взрывом, сосредоточенное лицо аппаратчицы Наташи Шутовой... Вот ее руки тянутся к вентилю – синему, а вовсе не красному, который к тому же находится совсем в другой стороне от пульта, довольно далеко от синего...

– Вовик, а ты уверен, что этот реактор не мог взорваться сам по себе? – спросила я. – Из-за какой-нибудь внутренней неисправности, например. Не по вине аппаратчицы.

– Ну, чего захотела... – раздумчиво протянул мой супруг. – Химия – это тебе не математика, не точная наука, здесь на сто процентов ни в чем нельзя быть уверенным.

Я снова задумалась, внимательно глядя в лицо супругу.

– А ты не помнишь, – сказала я, – такие реакторы... по вакуумному гидроформингу нефти... Были прежде случаи, чтобы они взрывались?

Володька смотрел на меня озадаченно, потирая лоб, честно пытался припомнить.

– Знаешь, – сказал наконец он, – мне сейчас кажется, что бывали, что-то я такое слышал, очень даже любопытное. Но где, что... Самое главное, из-за чего происходил взрыв, сам механизм процесса – вот этого я сейчас ни за что не вспомню... Стой-ка! – вдруг вскочил он. – Знаешь, кто по вакуумному гидроформингу нефти диссертацию писал? Лешка Самосадный! Помнишь, был у нас такой, небольшого роста, сутулый?

Я кивнула. Конечно, я помнила Самосадного уже из-за одной его необычной фамилии. Пару раз он приходил к нам в гости потрепаться на химические темы. Самосадный был из тех чудаков, которые, кроме своей отрасли знаний, ничего более не знают и ни о чем другом говорить не умеют. Зато в химии, которой он, похоже, жил, его эрудиция была бесспорна, он запросто мог рассуждать практически обо всем, что касается этой науки, – во всяком случае, так утверждал мой муж.

– Сейчас мы ему позвоним, он должен знать, – сказал Володька, направляясь к телефону. – Кстати, – он вдруг остановился на полпути, – ты что, есть сегодня вообще не собираешься? Или тебя на крекинг-заводе покормили?

Володька вспомнил о еде, как всегда, вовремя: из-за всех этих печальных происшествий я совсем забыла о ней. И теперь голод проснулся во мне с дикой силой. Оставив Володьку разговаривать с Самосадным по телефону, я направилась на кухню, где, к радости своей, обна-

ружила даже кое-что съедобное. Со стороны Володьки было очень любезно съесть не все от приготовленного мною сегодня утром обеда.

Впрочем, долго жевать мне на этот раз не пришлось. На пороге кухни возник сияющий супруг и радостно объявил:

– Послушай, Ирин, Самосадный приглашает нас к себе домой на ужин!

Я чуть не подавилась.

– Что, прямо сейчас? – кое-как выдавила я из себя. – У меня сейчас нет сил даже до постели дотащиться, не то что куда-то еще в гости ехать!

При виде выражения моего лица муж смутился. – Но... Я так понял, тебя все это очень интересует... – проговорил он. – Разве нет? Мне кажется, ради науки можно пренебречь любой усталостью!

Я кивнула. Ради науки... Не ради науки, а ради спасения аппаратчицы Наташи должна была я теперь пренебречь своей усталостью. Что ж, это было справедливо: если я хочу в этом деле разобраться, я должна ковать железо, пока горячо. Как говаривал тот же Валера Гурьев, сыщика ноги кормят!

– Понимаешь, – продолжал между тем Володька извиняющимся тоном. – Самосадный как узнал, что на крекинг-заводе авария и что ты оказалась ее свидетельницей, сказал, что мы должны немедленно ехать к нему и все рассказать. Иначе он сам к нам приедет!

– Вот и пусть едет к нам! – сказала я сердито. – А я за сегодняшний день уже достаточно наездила, больше не хочу.

– Ну нет, Ирина! – расстроился Володька. – Он уже попросил свою мать приготовить лечо с грибами, мы как раз к тому времени успеем.

Вид у моего мужа в предвкушении приятного ужина был такой довольный, что я не посмела отказаться, встала из-за стола, на котором остался недоеденный ужин, и отправилась переодеваться. Я надеялась, что запах бензина, которым я отмывала лицо и руки, улетучился и он не помешает нашему застолью.

* * *

Самосадный жил довольно далеко, но до его дома ходил прямой автобус, который домчал нас довольно быстро. Мы успели как раз к столу и уселись за него сразу же, как вошли. Как ни хотелось Самосадному узнать подробности происшествия на крекинг-заводе, он вынужден был последовать настоянию своей матери, полной и совершенно простонародной на вид пожилой женщины, и дать нам поесть. Что было далеко не лишне. Есть мне по-прежнему очень хотелось, а приготовленное матерью Самосадного лечо с грибами было и впрямь замечательно вкусно. Сам хозяин почти не ел. Но, умилительно глядя на нас с Володькой, непрерывно трепался о каких-то химических делах и в конце концов перескочил и на вакуумный гидроформинг нефти.

– Вот, вот, – приободрил его Володька с набитым ртом. – Об этом расскажи! Мы ради этого к тебе и приехали.

– Ну, что тут рассказывать, – Самосадный немного помялся. – Вакуумный гидроформинг нефти – это процесс получения высокооктановых легких углеводородов из первичной углеводородной смеси методом барботирования водяным паром при пониженном давлении...

– Стой, стой, Леха! – Володька в негодовании даже отложил в сторону ложку. – Здесь тебе не научная конференция, нечего людей-то пугать...

Самосадный заметно обиделся.

– Что ж тогда вам рассказывать-то? – спросил он, глядя почему-то на меня. – Химия – это вам не бульварный роман, это наука, она всегда такими выражениями оперирует.

– Вот что нам лучше расскажите, – начала я. – Сегодня на крекинг-заводе взорвался реактор вакуумного гидроформинга нефти...

– Да, я знаю, – бесцеремонно перебил меня Самосадный. – Мне ваш муж по телефону это уже сообщил. Вот я и хотел бы узнать от вас подробности, почему это произошло. Самое простое объяснение, конечно, это то, что аппаратчица попросту перепутала вентили, подала сначала вакуум в реактор, где была одна только нефть. Это, конечно, непременно должно было привести к взрыву...

– Володька мне это уже рассказал, – несколько резковато возразила я. – И, между прочим, на заводе то же самое думают. Для них, знаете ли, проще всего обвинить во всем простую аппаратчицу, чем копаться всерьез в этом происшествии, из которого еще неизвестно, что можно выкопать.

– Ну а вы, собственно, что хотите? – спросил несколько недоумевающе Самосадный.

– Меня же интересует, возможно ли чисто теоретически, чтобы при правильной подаче сначала воды, затем вакуума реактор так внезапно взорвался... При том, что аппаратчица выполнила все правильно, реактор все-таки взорвался.

Тут Самосадный серьезно задумался, и я почувствовала досаду на своего драгоценного супруга. Бог знает, о чем они там болтали по телефону, но самого главного, из-за чего мы к нему приехали, Володька, похоже, ему не сообщил. А между тем наш ученый друг мог бы тем временем основательно продумать проблему, вместо того чтобы теперь сидеть молча и рассеянно пялиться в потолок.

– Вы знаете, – сказал наконец Самосадный, – теоретически при определенном стечении обстоятельств такой взрыв вполне возможен. И я даже теперь вспомнил, что был один такой случай, по счастью, не на нашем заводе...

– Да, и я тоже помню, что-то такое было, – сказал Володька. – Только что именно? Из-за чего тогда этот взрыв произошел?

– Из-за сернистого ангидрида, – сказал Самосадный веско и с расстановкой.

– Вот как? – удивился Володька. – Так в нефти же всегда есть сернистый ангидрид, и ее всегда гонят на керосин, все идет нормально.

– Тут дело в концентрации, – пояснил задумчиво Самосадный. – Да, я теперь точно вспомнил: для вакуумного гидроформинга нефти существует ПДК по сернистому ангидриду, как раз после того случая его и ввели.

– ПДК по сернистому ангидриду? – тарашил глаза Володька. – Впервые слышу!

– Не веришь? – пожал плечами Самосадный. – На, смотри!..

И Самосадный встал из-за стола, подошел к одной из многочисленных полок с книгами, простиравшихся вдоль стен этой комнаты, снял с нее одну, очень толстую, по виду какой-то химический справочник, и протянул его Володьке. Тот послушно взял справочник и стал его листать, положив к себе на колени и согнувшись над ним на манер вопросительного знака.

– Слушайте, ребята, а что такое ПДК? – осторожно спросила я.

– Предельно допустимая концентрация, – отозвался Самосадный. – Для каждого без исключения процесса существует перечень веществ, наличие которых в концентрациях, превышающих допустимые, оказывается вредным и даже губительным для здоровья человека.

Наверное, Самосадный искренне думал, что он мне все нормально объяснил. Я же, беспомощно хлопая глазами, сидела и покорно ждала, что мой супруг оторвется наконец от своей книги и объяснит мне все это в более популярных выражениях.

– Про эту ПДК мало кто помнит, – продолжал меж тем Самосадный задумчиво, – потому что он значительно выше средней концентрации сернистого ангидрида, встречающейся в нефти.

– Да, действительно, – вполголоса пробормотал Володька, глядя в книгу. – Вот она, ПДК, и действительно очень высокая, 5,4 %. Столько в нефти и не встречается никогда! – заявил он самоуверенно.

– Встречается, – спокойно возразил Самосадный. – Редко, но встречается. И когда такая нефть попадает в установку вакуумного гидроформинга, происходит взрыв.

Я вопросительно переводила взгляд со своего супруга на Самосадного, пытаюсь понять, что скрывается за их мудрыми рассуждениями.

– Послушайте, – сказала я, – а есть какая-нибудь возможность доказать, что в реактор попала нефть с повышенным содержанием... этого?..

– Сернистого ангидрида? – подсказал Володька. – Можно, конечно. Надо делать анализ партии нефти, которая поступила в реактор.

– А разве обычно такой анализ не делается? – спросила я. – Я хочу сказать, перед подачей в реактор?

– А черт их там знает, что у них делается! – отозвался Самосадный. – Как бы то ни было, вас они делать этот анализ не допустят, вы человек для этой организации совершенно посторонний. Вам они вообще ничего не должны ни показывать, ни объяснять.

Пессимистическое заключение Самосадного отозвалось внутри меня тоской, только сдаваться мне пока еще не хотелось.

– Может быть, подключить адвоката? – предположила я. – Ведь если не был сделан обязательный анализ на сернистый ангидрид, а его концентрация случайно превысила ПДК, значит, вина за взрыв лежит на администрации крекинг-завода, а не на аппаратчице.

– Да, но только попробуйте это доказать! – с печальной усмешкой сказал Самосадный. – Содействия со стороны администрации завода вы точно не дождетесь. Кстати, почему у вас такая уверенность в невинности аппаратчицы? – спросил он небрежным тоном. – Вы что, видели, как она открывала вентили?

– Ну... – я немного замялась. – Почти что видела.

– То есть как это – почти? – изумился Самосадный. – Вы что, были в аппаратной во время взрыва?

Мне ничего не оставалось, как признаться, что я там была. И мой Володька, и Самосадный ошалело вытаращили на меня глаза.

– Ну, ничего себе! – воскликнул Володька в изумлении. – Как же это ты тогда уцелела? Ведь там же взрывная волна, и полыхнуть должно было как следует. А ты даже не поцарапалась!

– А аппаратчица меня своим телом накрыла, – преспокойно сообщила я. – Сама она в больницу попала, а я, вот видишь, жива и здорова.

– Вот это да! Прямо роман! – Самосадный и не скрывал своего изумления. – Только если вы были в аппаратной и точно видели, что аппаратчица сначала открыла вентиль с водой, а потом вакуумный...

– В том-то и дело, что я не видела. – объяснила я. – Меня окликнули снаружи, из цеха, где стояли реакторы.

– Это тот, что погиб, тебя окликнул? – спросил Володька.

– Нет, другой. Их там было двое.

– И что, этот первый не погиб? – снова изумились оба моих собеседника. – Как же это ему удалось?

– Говорит, вовремя за железобетонным экраном спрятался, – пояснила я. – Спасатель МЧС сказал, что такое вполне возможно.

Мои собеседники удивленно переглянулись, словно сомневаясь, стоит ли доверять моим словам или нет.

– И зачем же этот, который выжил... Зачем он тебя окликнул? – спросил у меня Володька.

– Зачем, зачем... – Я чувствовала немалую досаду: с каких это пор муж начал меня ревновать к людям, с которыми я встречаюсь по работе? – Говорит: «Выгляните, посмотрите, здесь сейчас самое интересное будет», – сказала наконец я.

– Так, и вы выглянули? – Самосадный смотрел на меня заинтересованно.

– Разумеется!

– И что вы увидели?

– Да ничего особенного, – я пожала плечами. – Увидела, как пар идет, словно из прорванной трубы теплотрассы.

– Пар идет? – Вид Самосадного становился все заинтересованней. – А откуда шел пар?

– Не знаю, – я пожала плечами. – Сначала вроде бы из какой-то трубы. А затем, как реактор стал дрожать, он откуда-то из-под реактора повалил.

– Из-под реактора? – Самосадный и мой муж удивленно переглянулись. – Но если из-под реактора шел пар, значит, аппаратчица первым открыла вентиль с водой. Тогда взрыва быть не могло!

– Но он был, – заметил Володька. – Значит, все-таки халатность дирекции завода... Пустили партию нефти в переработку, не сделав полный количественный анализ, а как взорвалось, стали все валить на простую аппаратчицу. Ирина права, это намного удобнее.

– Черт их там разберет, – заметил печально Самосадный. – Ведь, по правилам, химический состав нефти определяют несколько раз, прежде чем она в реактор попадет. Сначала при добыче, непосредственно на месторождении, затем при оформлении документов на транспортировку, если она осуществляется по железной дороге или водным транспортом. Потом по прибытии на нефтеперерабатывающий завод. И про эту ПДК ты не знаешь, потому что работаешь совсем в другой сфере. А химики на заводе, которые отвечают за анализ поступающей на переработку нефти, отлично про него помнят и знают. Они не могли пропустить неликвидную нефть, понимаешь? Я на сто процентов уверен!

– Однако ж пропустили, – заметил Володька. – И произошел взрыв.

Некоторое время оба мужчины растерянно молчали. Я сидела, затаив дыхание, ждала, что они еще скажут.

– Может быть, это была левая партия нефти? – предположил Самосадный. – Кто-то тайком пригнал нефть на переработку, хотел втихую сделать на этом бизнес. Так, чтобы не то что налоговая полиция, но даже администрация завода про это ничего не знала. Поэтому он не стал делать этой партии полный химический анализ. Сразу направил ее в реактор, а там оказалась превышена ПДК по сернистому ангидриду, и произошел взрыв...

– А на чем он доставил эту левую нефть? – веско возразил Володька. – На собственных «Жигулях» в канистре? На нашем крекинг-заводе емкость одного реактора что-то около половины железнодорожной цистерны. И наименьший объем нефти, ради которого стоит процесс запускать, – соответственно...

– Может быть, он привез нефть на бензовозе? – предположила я. – На таком большом, пятнадцатитонном... – добавила я, вспомнив сегодняшние объяснения Щеглова.

– А вы знаете, сколько горючего жрет такой бензовоз? – поинтересовался Самосадный саркастически. – Если таким способом везти нефть издалека, из Баку, например, то за время пути грузовик потратит солярки столько, сколько можно будет получить из нефти, что он привезет с собой в своей цистерне!

Тут мы все трое снова умолкли, растерянно глядя друг на друга и по сторонам, в том числе и на уставленный тарелками с лечо стол, про который мы уже все позабыли. Замечание Самосадного казалось очень резонным, значит, надо было искать другое объяснение происшедшему. И тогда я снова решилась высказать свое предположение.

– Может быть, это злой умысел? – робко предположила я.

Оба мужчины посмотрели на меня недоумевающе.

– Если злой умысел, – заговорил задумчиво Самосадный, – тогда кто мог это сделать, зачем? Какой смысл взрывать реактор на крекинг-заводе?

– А вот в этом и надо постараться разобраться! – решительно заявила я.

– Ах, ну да! – сказал с заметной иронией Володька. – Ты же у нас сыщик-любитель, новая мисс Марпл, видите ли...

Я изо всех сил постаралась на него обидеться, подумала, как он несправедлив ко мне в своей иронии. Я, между прочим, не одно по-настоящему трудное дело распутала, и один раз даже его самого из тюрьмы вытащила, куда он, впрочем, попал тоже из-за моего расследования, так что... Нет, я решительно не в состоянии была на него обижаться!

– Понимаете, – сказала я, – меня интересует чисто теоретическая возможность злого умысла. Кто-то мог бы, если б захотел, устроить взрыв этого реактора? Предположим, что он имеет к реактору неограниченный доступ и знает обо всех процессах столько же, сколько и мы с вами.

– Разумеется, смог бы! – ответил, немного подумав, Володька, и Самосадный кивнул в знак согласия с ним.

– Но если так, надо попробовать найти того, кто мог это все устроить! – продолжала я.

– Ну и зачем тебе это? – Володька смотрел на меня непонимающе. – У тебя что, других проблем больше нет?

– Видишь ли, Вовик, – терпеливо стала объяснять я, – эта аппаратчица, кстати сказать, ее зовут Наташа Шутова, закрыла меня своим телом во время взрыва.

– Да, ты мне об этом уже говорила!

– Если бы не она, я бы сейчас перед тобой не сидела живая и здоровая...

– Только немного пахнувшая керосином, – добавил Володька.

Я не удержалась, машинально поднесла к носу пальцы: Володька был прав, запах керосина от них шел совершенно отчетливый.

– Неважно, – сказала я торопливо. – Лучше быть пахнувшей керосином, но живой, чем лежать в виде кусков обугленного мяса завернутой в черный полиэтилен, как Сергей Викторович. Я этой аппаратчице жизнью обязана, понимаешь ты это? И эта аппаратчица теперь в беде. Значит, я должна попытаться помочь ей, снять с нее это обвинение. Тем более если вы оба так уверены, что простая случайность здесь маловероятна.

– Да, уверен на сто процентов, – сказал с определенностью Самосадный. – А если вы мне достанете образец нефти, которая была в реакторе в момент взрыва, то свою уверенность я смогу доказать научными методами.

– Конечно, – сказал Володька. – Если мы определим точную концентрацию сернистого ангидрида в этой нефти, многое станет понятнее. Только вот где взять эту нефть, что несомненно была в реакторе в момент взрыва?

Я задумалась: в самом деле, где? Мне вспомнилось, как плясали вокруг меня языки пламени, когда мы с Наташей Шутовой лежали в аппаратной.

– Знаете что, ребята, – сказала я. – Я боюсь, что этой нефти в природе больше не существует.

– Почему? – Оба моих собеседника уставились на меня во все глаза.

– Потому что она вся сгорела во время взрыва.

– Ты в этом уверена?

– Конечно! – сказала я. – Там такой огненный шквал прошел над нами, в то время как мы обе лежали на этом противном, залитом нефтью полу... Залитом нефтью... – пробормотала я рассеянно.

– Черт возьми! А разве эта нефть попала в аппаратную не из разорвавшегося реактора?

– Стойте-ка! – воскликнула я радостно. – Я знаю, где легко и просто взять нефть, которая на сто процентов была в реакторе в момент взрыва.

– Ну же? – Оба во все глаза смотрели на меня.

– На моей одежде! – торжественно провозгласила я. – Когда этот реактор разорвало, нефть брызнула во все стороны, и в аппаратную в том числе. Это уж в следующее мгновение огненный шквал прошел, и все полыхнуло. Но тогда мы обе уже лежали носом к земле! И в этой нефти как свиньи вымазались!

– Молодец, Ирина, ты гений! – воскликнул мой Володька восторженно, глаза Самосадного тоже заблестели. – Так что я все устрою! – заявил муж уверенно. – Завтра я отправляюсь с утра в университет, захвачу с собой Иринины шмотки, которые сильнее всего в нефти испачканы. И вместе с тобой мы попробуем сделать количественный анализ. Ты ведь мне поможешь, правда, Леха? – спросил он, обращаясь к Самосадному.

– Конечно, о чем разговор! – Тот с готовностью кивнул, поднимаясь из-за стола.

Мы поняли, что, пожалуй, пора прощаться. Было уже поздно, автобусы же не ходят всю ночь, и, посидев еще немного, мы рисковали: пришлось бы добираться до дома пешком, что нам было совершенно ни к чему – и мне, и Володьке рано с утра надо было на работу. Вообще, судя по всему, как раз завтра меня ждал особенно трудный, полный беготни и нервотрепки день. Мне предстояло расследование. Но с какой стороны приниматься за него, я пока что представляла лишь в самых общих чертах.

Глава 3

Иногда мне хочется просто на весь мир прокричать: ну до чего ж мне повезло с начальством! Мой шеф, заместитель главного редактора нашего областного ГТРК Евгений Васильевич Кошелев – добрейшей души человек. Он всегда идет мне навстречу в небольших просьбах и пожеланиях. Сегодня, например, он не только дал мне всю мою съемочную группу для поездки на крекинг-завод, не только позвонил на этот завод и попросил, чтобы нас всех приняли там хорошо и ни в коем случае не выставили за дверь – а я всерьез опасалась такого поворота событий после вчерашнего несчастья, – но он даже подписал наряд и выделил нам машину Кости Шилова вместе с ним самим, разумеется, хотя накануне тот же самый Костя Шилов и в самом деле послал Кошелева, важного телевизионного начальника, на хрен, причем не когда-нибудь, а в тот момент, когда Евгений Иванович жестким начальственным тоном потребовал от Шилова отвезти его жену в супермаркет: ей, видите ли, непременно нужно было прикупить кое-каких продуктов по мелочи для застолья. У Кошелева прошлым вечером отмечали день рождения дочери – боюсь, дело кончится тем, что со временем эту историю будут пересказывать как некий веселый анекдот, хотя и неправдоподобный анекдот. И вот теперь мы все, включая оператора Павлика и мою помощницу Лерочку Казаринову, втиснувшись кое-как в серую «Волгу» Кости Шилова, едем по направлению к крекинг-заводу, и я машинально вглядываюсь в ветровое стекло, ища вздымающийся к небу столб черного дыма из аварийного цеха. Нет, все это глупости, конечно, пожар давно уже потушили, и никакого дыма больше нет.

Впрочем, въехать вместе с машиной на территорию предприятия нам все равно не позволили. И Костю Шилова, несмотря на все мои просьбы, вместе с нами на территорию завода не пустили, оставили ждать за воротами, потому что в отличие от нас у него не было журналистского удостоверения. Я Косте сказала, что ему необязательно стоять здесь, у ворот, и ждать нас. Мы, скорее всего, пробудем здесь долго, так что он может смело отправляться по своим делам. Я была уверена, что советы мои будут Костей проигнорированы и он все равно останется сидеть в своей «Волге» здесь, у проходной крекинг-завода, честно дожидаясь нас. Я знала, что протестовать в таких случаях бесполезно, временами наш водитель отличается редким упрямством и все делает по-своему.

Пройдя через проходную, мы втроем направились было по знакомой разбитой асфальтовой дороге к злополучному пятому цеху. Павлик, тащивший телекамеру и прочие необходимые для ее работы телевизионные аксессуары, злился, что Костя Шилов теперь отдыхает в своей машине, тогда как он, Павлик, должен надрываться один. Он, Впрочем, не стеснясь, разделил часть своего груза между нами, мной и Лерой, однако самое ценное, телекамеру, тащил сам, не доверяя ее никому.

Вдруг впереди мы заметили спешащего нам навстречу Щеглова. Уже издали, заметив нас, он широко заулыбался, картинно раскрыл объятия, выражая тем самым свой восторг от того, что обнаружил нас всех здесь.

– Ну, обалдеть! – воскликнул он весело. – Вчера только одна с телевидения пришла, так реактор на хрен взорвался. Теперь целая телевизионная шайка приперлась, и даже с телекамерами. Значит, теперь весь завод ко всем чертям разнесет!

Лера Казаринова рядом со мной хихикнула, я почувствовала, как они со Щегловым обменялись небезразличными друг к другу взглядами.

– Чем обязан? – обратился он ко мне, галантно целуя руку – украдкой я вытерла о штанину оставшееся на руке слюнявое пятно. – Вчерашний осмотр завода вас не удовлетворил?

– Напротив, – ничуть не смущаясь, ответила я. – Я нашла здесь так много интересного, что вот решила на сей раз захватить с собой всю съемочную группу.

Он снова окинул стоящую рядом со мной Леру понимающим взглядом. Та снова хихикнула.

– Ну что ж, прошу! – сказал Щеглов, показывая широким жестом завод. – Снимайте, если вам так хочется. От начальства получено строжайшее указание не скрывать от вас ничего!

Мы продолжили свой путь по разбитой и пыльной асфальтовой дороге мимо дымящихся паром и нефтепродуктами очистных сооружений. Не без иронии я незаметно наблюдала, как брезгливо морщит нос наша Лерочка Казаринова: такого рода зрелища ей были явно не по душе. Напротив, Павлику все открывавшееся взору было, видимо, интересно и занимательно: не сгибайся он под тяжестью телевизионных аксессуаров, то всем бы был доволен. Как-то само собой получилось, что мы направились снова к тому самому пятому цеху, где вчера произошла авария, унесшая человеческую жизнь.

– А что, – осторожно начала я разговор, – правительственная комиссия по выяснению причин вчерашней аварии сейчас работает?

К моему удивлению, Щеглов зашелся смехом.

– Да бог с вами, Ирина Анатольевна, – воскликнул он сквозь смех, – какая комиссия? Дело яснее ясного, тут и расследовать нечего!

– Значит, все свалили на Наташу Шутову, – подытожила я. – Ну, очень мило...

– А вы что, с этим не согласны? – сказал Щеглов, внезапно становясь серьезным и пристально вглядываясь мне в глаза. – Вы что, видели, какой она вентиль сперва открывала?

– Нет, не видела, – призналась я. – Но я видела, как пар идет из реактора. Знающие люди мне сказали, что раз шел пар, значит, вода там уже была, значит, пар подан был прежде вакуума, и взрыва быть не должно было бы.

– Не должно? – вдруг вспыхнул Щеглов. – Да как бы не так! Пар шел, потому что задвижку от паровой трубы в первую очередь давлением выбило, понятно вам? Вообще, обследование аппаратной показало, что водяной вентиль тоже был открыт. Значит, Наташка прежде взрыва успела открыть оба вентиля, потому и шел пар из реактора во время взрыва. Сам по себе тот факт, что он шел, еще совершенно ничего не доказывает!

– Вы в этом твердо уверены?

– Абсолютно! – неожиданно жестко отрезал Щеглов. – Кстати... – Он вдруг остановился, повернулся ко мне и опять стал пристально вглядываться мне в глаза. – Если не секрет, что это за знающие люди, с которыми вы советовались?

– Да так... – Я чувствовала себя совершенно сбитой с толку замечаниями Щеглова. – Мой муж, преподаватель химического факультета университета, в том числе...

– Ах, университета! – Щеглов зло расхохотался. Отвернувшись от меня, он энергичными шагами продолжил свой путь, а я покорно засеменила следом. – Тоже нашли мне знающих людей! – С досадой он сплюнул на землю. – Вы посмотрите, каких они недоумков присылают нам из этого университета! Какая-нибудь девочка с красным дипломом и кучей всяких премий за отличную учебу, а ацетон от водки отличить не умеет!

Я молчала, смущенная этим неожиданным взрывом эмоций. Щеглов, казалось, тоже устыдившийся своей несдержанности, вдруг умолк и притих.

– А вы сами химик по образованию? – не зная зачем, спросила я его.

Щеглов резко обернулся, пристально посмотрел на меня.

– Нет, не химик. И дальше что? – сказал он довольно агрессивно. – Думаете, если у меня нет официального диплома, заверенного государственной комиссией, о том, что я пять лет протирал штаны в химическом вузе, то я полный придурок и в производственных процессах на этом заводе ничего не смыслю, да?

Я неопределенно пожала плечами. Неожиданно эмоциональная и даже, я бы сказала, агрессивная реакция Щеглова изумила меня. Однако, думала я, если он по образованию не

химик, то говорить ему про сернистый ангидрид бесполезно, он опять начнет ругать моих советчиков, и ничего путного от него не добьешься.

Мы вошли в пятый цех, пострадавший накануне от взрыва и пожара. На месте взорвавшегося первого реактора оставалась только закопченная бетонная платформа, основание реактора, его искореженные стальные обломки были уже убраны. Сверху и по бокам над пустой бетонной платформой нависали обрезки труб, еще вчера подводивших к реактору реагенты и откачивавших готовую продукцию. Этих труб было так много, их переплетение так замысловато, что я не могла отделаться от ощущения, что вот точно так же должна выглядеть грудная полость человека после того, как руки хирурга извлекут оттуда сердце.

На полу неподалеку от пустой бетонной платформы лежала груда живых цветов и горели свечи. Я поняла, что они обозначают то место, где нашли изуродованное тело погибшего Венглера, начальника цеха. Однако, оглядевшись вокруг, я не без удивления обнаружила, что два уцелевших реактора, простаивавшие еще вчера, теперь работали, деловито гудели, сопели и попыхивали горячим паром. Я видела освещенные желтым светом лица аппаратчиц в узких, точно бойницы, окнах их стальных коробок-аппаратных, на мгновение каждая из них выглянула наружу, чтобы посмотреть на посетителей, после чего тут же снова повернулась к своим приборам.

– Ну да, цех работает, – словно прочитав мои мысли, проговорил Щеглов. – Контракты на поставки авиационного керосина никто не отменял, а других установок по его производству на нашем заводе нет.

– И не боитесь нового взрыва? – поинтересовалась я.

– Ох, вы опять? – Щеглов покорно вздохнул. – Я же вам объяснил, что взрыв произошел из-за человеческого фактора. Понятно вам?

– Нет, непонятно, – я постаралась прикинуться дурочкой. – Что это значит – из-за человеческого фактора?

– Это значит, – стал раздраженно объяснять Щеглов, – что если эти аппаратчицы будут делать все правильно и крутить вентили в нужной последовательности, то никаких взрывов реактора не будет.

– Вы это аппаратчицам так и объяснили?

– Нет, не я объяснял, – сказал Щеглов с нервным вздохом, – а директор нашего завода Михаил Евгеньевич Горбунов собственной персоной.

– Даже сам директор? – удивилась я. – Значит, что же, эти аппаратчицы сначала отказались выходить на работу?

– Ну, какая же вы догадливая, черт вас возьми! – проговорил Щеглов с прежней своей ухмылкой. – Вы как, случайно не в юридическом институте учились на следователя? Там вас научили из людей сведения вытягивать?

– Никто меня этому не учил, – сказала я. – Просто я думаю, что если у аппаратчиц были сомнения в том, что здесь, как вы выразились, сработал человеческий фактор, значит, это неспроста. Что-то здесь в этой аварии неладно!

– Ох, ну я же вам объясняю! – воскликнул Щеглов, теряя терпение. – Никаких сомнений у этих аппаратчиц нет! Они попросту боятся нового несчастного случая, понимаете вы это? Самый простой, элементарный человеческий страх, что, раз взорвалось один раз, может взорваться и во второй. И неизвестно, уцелеешь ли ты при этом новом взрыве или сгоришь, как этот старый брюзга Сергей Викторович.

Щеглов с выражением крайней досады на лице умолк и отвернулся от меня в сторону. Мои спутники смотрели на меня выжидающе: когда, наконец, я дам им указание начинать работать. Но у меня еще не иссякли вопросы к нашему провожатому, поведение которого все больше удивляло меня и казалось мне подозрительным.

– Скажите, – спросила я, пристально глядя на Щеглова, – а вы сейчас продолжаете перерабатывать ту же самую партию нефти, что вчера взорвалась в реакторе?

– С чего вы взяли? – удивился Щеглов. – Вчерашняя партия нефти вся израсходована, от нее не осталось ни капли. А это новая. Вчера поздно вечером к нам прибыл состав из восьми цистерн, вот мы их и перерабатываем. Железная дорога совсем осатанела из-за вчерашнего взрыва, требует, чтобы цистерны были возвращены в кратчайшие сроки, поэтому и пришлось оба реактора запустить. Еле уговорил директор этих чертовых аппаратчиц на работу выйти, даже премиальные пообещал.

– А что, железнодорожные цистерны вчера тоже пострадали? – глупо спросила я.

– Да в том-то и дело, что нет! – горячо воскликнул Щеглов. – Как стояли вон там, за стеной, так и стоят. Но эти железнодорожники боятся, что у нас здесь опять что-нибудь взорвется и их хреновы цистерны вообще к черту разнесет.

– А такое бывало?

– Да нет, конечно! – Щеглов рассмеялся. – Но вчера, представляете, сразу после взрыва какая-то падла на станцию Князевка позвонила, говорит, на крекинг-заводе авария, взрывы, страшный пожар, так что забирайте скорее ваши цистерны, если вообще хотите назад их получить. И они тут же прислали маневровый тепловоз!

– И укатали цистерны?

– Конечно! – рассмеялся Щеглов. – Раньше, чем пожарные машины с завода уехали.

– И вы уверены, что нефти в цистернах больше не осталось?

Щеглов смущенно усмехнулся, поглядывая на меня.

– Вы думаете, я в них заглядывал? – сказал он наконец.

– Значит, часть нефти в цистернах могла остаться? – констатировала я.

– Могла, – согласился Щеглов. – Только железнодорожникам на это наплевать. Они отправили цистерны на мойку, и вся лишняя нефть вместе с горячим паром отправилась в отстойники.

– Эти отстойники находятся возле станции Князевка? – поинтересовалась я.

– Что, терминалы, где моют цистерны? Нет, они возле станции Нефтяная, там, дальше, возле моста через Волгу. Там, около этого моста, еще более мощный нефтяной отстойник, там нефтью пахнет еще сильнее, чем здесь, на крекинг-заводе! – Щеглов весело рассмеялся, будто сообщил мне нечто в высшей степени забавное.

Я умолкла, переваривая полученную информацию. Что-то во всем, рассказанном Щегловым, мне не нравилось, я еще не могла понять, что именно. Тем временем я заметила, что Павлик, которому, видимо, надоело стоять без дела, включил все-таки свою телекамеру и стал снимать место аварии и лежащие на полу цеха цветы. Лерочка Казаринова, решив, что я уже достаточно долго занимаю внимание Щеглова, подскочила к нему и стала донимать его вопросами об устройстве цеха и его реактора, Щеглов сразу же заметно повеселел, охотно отвечал на ее расспросы. Я стояла рядом и рассеянно слушала. Потом заметила, что Щеглов все больше и больше увлекается разговором с Лерой, перестает обращать внимание на меня, а их диалог все более перетекает в незатейливый флирт. Признаться, мне было обидно наблюдать своими глазами, как молодая девочка дает мне фору, однако у меня родилась отличная мысль: пока Щеглов занят флиртом с моей ассистенткой, самое время мне потихоньку улизнуть от него. Опека Щеглова начинала действовать мне на нервы, а с главным инженером мне бы хотелось побеседовать без его контроля. Поэтому я шепнула Павлику, чтобы он держался возле Щеглова и снимал все, что Лера ему скажет, а сама осторожно, так, чтобы тот ничего не заметил, вышла из цеха и направилась к зданию заводоуправления, высившемуся неподалеку от заводской проходной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.